

А.С. МАНЫКИН

СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ПОЛИТИКА. НОВОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

В последние несколько десятилетий в научном сообществе всё более популярным становится системный подход к изучению процессов, происходящих на международной арене. Сегодня большинство специалистов уверены в том, что здесь мы имеем дело не с хаотической совокупностью неких взаимодействий, а с функционированием определенного системного комплекса, развивающегося по своим законам. Его изучение идет по двум генеральным направлениям. Если говорить о первом, то ученые, прежде всего историки, пытаются понять, как возник, формировался и совершенствовался этот комплекс, и уже на этой основе строить анализ его современного состояния. Проблема в том, что жизнь не стоит на месте, в развитии мирового сообщества постоянно возникают качественно новые явления и темпы научных разработок далеко не всегда успевают за этим процессом обновления. И здесь находят свою исследовательскую нишу представители второго направления, основу которого составляют политологи-международники и социологи. Именно они играют ведущую роль при анализе современного состояния мировой политики.

Рецензируемая работа¹ как раз и относится к этому направлению. Жанр учебного пособия позволил авторскому коллективу взяться за решение важнейшей задачи – обобщить и систематизировать те многочисленные, но достаточно противоречивые наработки, которые интенсивно накапливаются благодаря усилиям научного сообщества. Это совершенно необходимо именно сейчас, ибо иначе невозможно выходить на новый уровень анализа данных сюжетов. Но авторский коллектив под руководством А.Д. Богатурова² ставит перед собой более масштабную задачу: в работе предпринимается попытка синтезировать уже имеющиеся оценки современной системы международных отношений и дать собственную версию ее нынешнего состояния.

В чем же заключается новаторство подхода авторов рецензируемой работы? Уже само ее название говорит о том принципиальном методологическом посыле, который был положен в основу данного исследования. Авторы считают, что предметом их анализа должна являться не просто система международных отношений, а более сложный конгломерат, для обозначения которого они используют широко распространенный в последнее время термин – “мировая политика”. Действительно, его по разным поводам, а то и без таковых активно используют те специалисты, которые изучают международ-

Маныкин Александр Серафимович – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Современная мировая политика. Под ред. А.Д. Богатурова М.: Аспект-пресс, 2009, 589 с.

² В его состав входят, помимо д.полит.н. А.Д. Богатурова, А.А. Байков, д.и.н. Д.Г. Балувев, д.полит.н. Э.Я. Баталов, к.и.н. Ю.В. Боровский, д.э.н. А.С. Булатов, д.полит.н. А.В. Виноградов, д.полит.н. А.Д. Воскресенский, д.полит.н. С.В. Голунов, к.полит.н. И.В. Данилин, д.и.н. А.В. Крутских, к.и.н. В.М. Кулагин, М.В. Мамонов, д.и.н. В.В. Наумкин, д.и.н. В.Д. Писарев, д.полит.н. М.В. Стрженева, к.и.н. А.В. Фененко, д.э.н. Е.С. Хесин, д.полит.н. М.А. Хрусталёв, к.филос.н. А.П. Цыганков, д.филос.н. П.А. Цыганков, д.полит.н. Т.А. Шаклеина.

ные отношения. Однако в данной работе этот термин используется отнюдь не для красного словца: его расшифровке посвящена целая глава, что выгодно отличает книгу от других подобных изданий. Читателям предлагается следующее определение: “Мировая политика – это сфера нерасчлененного взаимодействия между субъектами международных отношений по поводу как их действий в отношении друг друга и решения общемировых проблем, так и политики каждого из них в отношении собственных внутренних проблем и ситуаций” (с. 34). Конечно, определение это несколько тяжеловесно, но авторы имеют право предлагать и отстаивать свою трактовку базового понятия всего исследования. Многие крупные международники и раньше учитывали те обстоятельства, на которых акцентируется внимание в указанном определении, но, пожалуй, впервые авторский коллектив столь четко фиксирует свою мировоззренческую позицию.

Такой исходный посыл предопределил чрезвычайно широкий набор сюжетов, анализируемых в труде. Он состоит из пяти разделов, включающих в себя в общей сложности 30 глав. Особый интерес, на наш взгляд, представляют раздел I “Понятия и методология анализа” (по сути, ключевой, задающий общую тональность всей работе) и раздел III “Незапад и Запад”, где авторы отходят от доминирующего и, по большому счету, порочного европоцентристского или евроатлантического подхода к изучению международных отношений, когда во главу угла ставится анализ событий в евроатлантическом регионе, рассматриваемом как “ядро” системы, а все остальные сегменты системы рассматриваются как периферия, играющая только вспомогательную роль. В этом разделе достаточно убедительно показывается, что государственно-политические “коды” Востока и Запада имеют глубокие различия, порожденные существенными особенностями исторического развития этих цивилизаций. В книге подчеркивается, что каждый из этих архетипов обладает своими достоинствами и недостатками, и речь должна идти не о превосходстве того или иного варианта, а о механизме их сосуществования и взаимодействия. Любой другой сценарий в условиях, когда зависимость Востока от Запада ушла в прошлое, грозит “столкновением цивилизаций” (по выражению Хантингтона) с непредсказуемыми последствиями.

Большой интерес представляют две главы I раздела “Траектории движения к единству мира и перспективы его вестеризации” и “Нелиберальные демократии в мировой политике”, в которых высказывается ряд принципиальных тезисов. Прежде всего авторы решительно возражают против приравнивания объективно идущего процесса глобализации к попыткам использовать его в качестве “инструмента унификации мира”. Действительно, подобная версия глобализации активно внедряется и в научную среду и в массовое сознание учеными, тесно связанными с политической элитой США, выполняющими вполне определенный социальный заказ: подвести солидную (по крайней мере внешне) академическую базу под американские претензии на мировое лидерство и утверждение однополярного мира, который был бы выкроен по их лекалу. В противовес этому тезису авторы данной работы выдвигают собственную гипотезу того, что происходит сегодня в сфере международных отношений. Они полагают, что современные международные отношения представляют собой своеобразный конгломерат взаимодействующих, но достаточно разноплановых цивилизационных анклавов. “В идеале мир – конгломерат предстает состоящим из нескольких анклавов, непохожих и не стремящихся походить друг на друга, но взаимно влияющих и взаимно приспособляющихся” (с. 56) – отмечается в работе.

Еще одно важное обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание читателей. Анализируя политику США в современном мире, авторы отмечают одну очень опасную тенденцию в политике единственной на сегодняшний день сверхдержавы. “Идеология и политика оказались превыше, казалось бы, непреходящей значимости человеческой жизни и выживания. Парадокс состоял в том, что война оправдывалась желанием защитить права человека. Но как бы то ни было, был создан прецедент: демократизация была поставлена выше мира” (с. 57). Отсюда последовал вполне логичный вывод, озвученный президентом Дж. Бушем-младшим еще в 2002 г. и получивший название концепции “смены режимов”, предусматривавшую возможность применения

силы против любого правительства, которое, по мнению США, являлось недемократичным. Понятно, что парадигма поведения ведущей мировой державы ведет не к укреплению системных начал в сфере международных отношений, а к росту произвола и как следствие – общего конфликтного потенциала системы, чреватого опаснейшими последствиями.

Не обходят вниманием авторы и одну из самых дискуссионных проблем современной теории международных отношений – о роли государства в условиях глобализации. Нельзя сказать, что внутри авторского коллектива существует полное единство взглядов на эту проблему. Удивляться не приходится, ибо сегодня в среде специалистов по международным отношениям существуют, по сути, противоположные точки зрения на поставленный вопрос: от признания того, что государство по-прежнему остается главным действующим лицом в международных отношениях, до утверждения, что происходит кардинальное перераспределение полномочий и переход их от государства к неким транс- и наднациональным акторам. Понятно, что в этой широкой палитре мнений существует множество оттенков, полутонов, и ожидать в такой ситуации единодушия от авторского коллектива, насчитывающего 22 человека, просто невозможно. Важно, что в работе в целом превалирует общая тональность (естественно, при определенной дифференцированности оценок) в подходе к этому стержневому вопросу современной международной жизни. На наш взгляд, общий вектор рассуждений авторов по этому сюжету заслуживает поддержки. Они исходят из того, что государственническое начало отнюдь не утратило своего решающего значения для определения общей динамики международных отношений. Конечно, роль государства по мере исторического развития, несомненно, трансформируется, и если в XVIII–XIX вв. и даже в первой половине прошлого столетия у него практически не было равноценных конкурентов и именно государство являлось вне всяких сомнений базовым элементом системы международных отношений, то в последние десятилетия здесь наметились изменения, вызванные появлением негосударственных акторов. Однако пока, на наш взгляд, можно говорить лишь об определенной тенденции, не меняющей общего положения дел.

Возникает вопрос: на чем основываются все разговоры об ослаблении государственнического начала в сфере международных отношений? Целый ряд, прежде всего, американских исследователей еще с конца 1980-х годов стал активно развивать тезис об уменьшении роли государства в международных делах в связи с постепенным размытанием важнейшего атрибута государства – государственного суверенитета. При этом ссылались на пример западноевропейских стран, которые действительно добровольно делегировали часть своего суверенитета наднациональным интеграционным институтам. Но, во-первых, западноевропейская интеграционная модель – лишь одна из многих существующих на сегодняшний день моделей, и они прекрасно обходятся без всяких наднациональных структур, а во-вторых, даже в Европе в сфере международных отношений члены Евросоюза действуют как суверенные единицы, которые, правда, стараются координировать (но не более того) свои действия на международной арене.

Говоря об эрозии суверенитета, нередко ссылаются на деятельность ТНК. Несомненно, гигантские транснациональные корпорации оказывают сегодня многоплановое воздействие на всю систему международных отношений, особенно на взаимоотношения ее ядра и периферии. Но и здесь не всё так просто, ибо международно-политическая составляющая деятельности ТНК, в отличие от экономической, изучена явно недостаточно. Также существует немало “белых пятен” в анализе их взаимоотношений с ведущими мировыми державами. Да, ТНК подчас могут ограничивать суверенитет тех или иных государств, расположенных на периферии системы международных отношений, но могут ли они оказывать подобное влияние на ведущие страны мирового сообщества? Трудно представить, что такие государства, как КНР, Великобритания, Израиль и уже тем более США согласятся ограничить свой суверенитет в пользу каких-либо наднациональных структур. В своих действиях на международной арене они прежде всего руководствуются, как и раньше, собственными государственными интересами, исходят из презумпции наращивания мощи как главного условия безопасности и развития.

К достоинствам работы, на наш взгляд, как раз и следует отнести то обстоятельство, что в ней уделяется серьезное внимание анализу понятия “государственные интересы”. Этому посвящена специальная глава “Структура внешнеполитического курса государств”, а также ряд других разделов. Данным термином широко пользуются, подчас в спекулятивных целях, политики всех мастей, но они, как правило, избегают его расшифровки. В научной литературе имеются определения этого понятия. Обычно под государственными интересами понимают совокупность программно-целевых установок, гарантирующих стране сохранение суверенитета и безопасности. Иными словами, речь идет о создании условий, позволяющих государству уверенно развиваться. Но даже если принять это определение, оно не снимает всех вопросов. Сразу же возникают новые проблемы, например о соотношении объективных и субъективных начал в этом понятии. В научной среде в этих сюжетах существуют серьезные разночтения. Чтобы максимально акцентировать их суть, приведем лишь один пример. Гитлер в свое время достаточно четко сформулировал, в чем, по его мнению, состоял государственный интерес Германии. Однако рассматривать ли их как действительно реальные потребности немецкого государства или же это были представления самого Гитлера о том, в чем заключаются эти потребности?

Каким же образом решают эту важнейшую для определения сущности понятия “государственные интересы” проблему авторы рецензируемой работы? Для начала они попытались вывести общую формулу понятия “интерес”. Она выглядит по их версии так: “интерес = потребность + осознание” (с. 123). Отталкиваясь от этой исходной посылки, авторы делают вывод о наличии “трех типов интересов: действительных, мнимых и неосознанных. Первые – адекватно осознанные потребности, вторые – осознание несуществующих потребностей, третьи – отсутствие или неадекватное осознание существующих потребностей” (с. 124). Наверное, с подобной установкой можно согласиться. Авторы подчеркивают, что формулирование концепции государственных интересов происходит в процессе взаимодействия ряда государственных структур (прежде всего МИД, МО, спецслужбы), каждая из которых имеет собственные корпоративные интересы, далеко не во всем совпадающие друг с другом. Это местничество серьезно затрудняет формирование общей результирующей, которая так или иначе инкорпорирует в себя все основные потребности данного государства, но в итоге достигается некий компромисс. От его сбалансированности зависит адекватность той политики, которую проводит это государство на международной арене, ее соответствие его действительным потребностям.

Другое дело, что в реальности выработать оптимальную модель этих самых государственных интересов очень трудно. Проблема в том, что на практике их формирование происходит в процессе жёсткого открытого и “подковерного” соперничества различных структур. Его исход определяется множеством факторов, в том числе и таким трудно просчитываемым обстоятельством, как “человеческий фактор”. Интересный, достаточно содержательный анализ этого компонента, данный в четвертой главе рецензируемого исследования, несомненно, следует отнести к достоинствам работы, ибо этот фундаментальный сюжет редко затрагивается в трудах по теории международных отношений. Ученые, специализирующиеся в этой области, предпочитают изучать “мега-тренды” и не любят опускаться до таких “мелочей”, как человеческий фактор. Но ведь все те структуры и институты, о которых они ведут речь, в конечном счете состоят из вполне конкретных людей, а не роботов, механически выполняющих заложенную в них программу. “Человек в международных отношениях” – это необъятная тема только начинает разрабатываться в науке, и глава рецензируемой работы “Антропология мировой политики и международных отношений” скорее, по выражению автора, “повестка на завтра”. В ней ставятся те вопросы, которые необходимо решать, если мы хотим добиться качественного скачка в развитии теории международных отношений. Думается, что творческое осмысление этой “повестки на завтра” молодыми учеными даст хороший импульс работе научной мысли.

Хотелось бы обратить внимание читателей ещё на некоторые сюжеты, освещение которых безусловно может быть занесено в актив авторского коллектива. Так, немало оригинальных, новаторских идей высказывается в V разделе “Интеграция и границы”, посвященном анализу влияния на мировую политику одного из важнейших процессов современности – интеграции. Ведь не случайно последние полвека нередко называют “эрой интеграции”. В этом разделе детально рассматриваются такие дискуссионные сюжеты, как соотношение процессов глобализации и региональной интеграции, подробно анализируются получившие сегодня широкое хождение понятия “негативная” и “позитивная” интеграция, показываются те споры, которые идут в научной среде относительно того, какие объединения включать в разряд интеграционных. В этом контексте интересно сравнение классической европейской модели и восточноазиатских моделей интеграции (АСЕАН, АТЭС).

Думается, что российскому читателю небезы интересно будет ознакомиться с соображениями, высказываемыми в работе по поводу позиции нашей страны в ключевых вопросах современной мировой политики, с мыслями известных отечественных специалистов о характере взаимоотношений России с Западом в целом и с ведущей мировой державой, США. Важно отметить, что в отличие от многочисленных, но очень поверхностных и конъюнктурных работ на эту тему, в которых в традиционном для читателя такого рода стиле расточаются комплименты, правда, теперь уже не ленинской, но всё равно мудрой политике власти, в книге предпринимается интересная попытка проанализировать те серьезные проблемы, с которыми сегодня сталкивается Россия на международной арене, порассуждать о возможных путях их решения. Перечень достоинств данной работы можно было бы продолжать еще долго, но, нам кажется, в этом нет смысла: лучше один раз самому ознакомиться с этим глубоким, многогранным исследованием, чем воспринимать его в пересказе.

Сейчас хотелось бы высказать свои соображения по поводу некоторых моментов, которые могли бы стать предметом дискуссии, нацеленной на уточнение ряда параметров авторской концепции. Прежде всего, характеризуя нынешний порядок, авторы используют модный, но, на наш взгляд, не вполне удачный термин “плюралистическая однополярность”. Думается, подобное определение не столько уточняет, сколько запутывает и без того непростую проблему. Непростая она потому, что в силу специфики процесса формирования новой модели международных отношений, ее невозможно увязать с каким-либо судьбоносным событием, наподобие Венского конгресса, Версальской, Вашингтонской или Ялтинской конференций, фиксировавших завершение какого-то масштабного военного конфликта и созывавшими как раз для того, чтобы оформить контуры очередного “нового мирового порядка”. Распад биполярной системы произошел без войн, поэтому никакой формально-правовой фиксации ее крушения на международном уровне не произошло. Однако США как безусловно сильнейшая на тот момент мировая держава, достаточно откровенно провозгласили, что новый миропорядок должен быть однополярным. Реализовать эту программно-целевую установку в полном объеме Вашингтон не сумел, поэтому сами же авторы рецензируемой работы в первой половине нынешнего десятилетия, не без оснований, использовали гораздо более удачный, чем “плюралистическая однополярность” термин – “смягченная однополярность”. Конечно, современный мир меняется очень быстро, но, на наш взгляд, этот термин вполне корректен и сегодня.

Второй момент. Авторы подчеркивают, что в их работе анализируются события, происходившие на международной арене лишь в нашем веке. Безусловно, это их право. Но важно понимать, что историческое время разорвать невозможно, и корни тех проблем, о которых идет речь в книге, следует искать в более ранних коллизиях, причем необязательно в событиях 90-х годов прошлого века. Практически все работы по современности страдают комплексом абсолютизации текущего момента, но если в трудах конъюнктурного типа в этом нет ничего опасного, то с произведениями, посвященными теоретическим сюжетам, дело сложнее: теория не может ограничиваться 10 годами. Данное исследование, на наш взгляд, только выиграло, если бы в нем в большей мере

присутствовал хотя бы минимальный исторический фон, давалась историческая ретроспектива, по крайней мере, некоторых из изучаемых проблем. Уверен, что в этом случае выводы авторского коллектива выглядели бы еще более солидными и фундаментальными.

И последнее. И в самом названии, точнее, в его подзаголовке, и в предисловии подчеркивается – это “прикладное исследование”, а не фундаментальный теоретический труд. Но ведь весь пафос книги как раз опровергает данное определение. Перед нами глубокая теоретическая разработка одной из фундаментальных проблем современности, и я не понимаю, почему авторы как-то стесняются этого. Российской науке очень не хватает работ теоретико-методологического плана. Это наша беда, увлеченность прикладными аспектами лишь закрепляет наше отставание от западных ученых, что недопустимо, ибо отечественные внешнеполитические службы должны быть оснащены самыми новейшими научными наработками.

Подводя итог размышлениям в связи с книгой, хотелось бы констатировать, что авторский коллектив подготовил глубокое исследование фундаментальных проблем современной международной жизни. Интересное произведение открывает хорошие перспективы для их дальнейшего изучения, дает серьезный стимул для дальнейшего творческого поиска. Ее публикация станет, как нам кажется, важной вехой в разработке этой проблематики.